

Наследие ВОЛН

Константин Жарких

Симфония миров

Константин Жарких

Наследие волн

«Автор»

2026

Жарких К.

Наследие волн / К. Жарких — «Автор», 2026 — (Симфония миров)

Что, если величайший миф человечества — это смертный приговор? Атлантида не погибла в волнах, а была заперта под куполом вечного порядка. Но стремление к абсолютной гармонии обернулось кошмаром. Тысячелетия спустя группа современных туристов случайно проваливается в эту карманную вселенную. Теперь им предстоит выжить среди руин города, населённого чудовищами из легенд, и решить судьбу проклятого артефакта, чьё сердцебиение до сих пор эхом отзывается в Бермудском треугольнике.

© Жарких К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Константин Жарких

Наследие волн

Глава

Часть первая. Стерильный рассвет.

Глава 1. Зеркало Океана

Солнце здесь никогда не обжигало. Оно не было тем яростным, слепящим диском, что выжигал землю во внешнем мире, о котором шептались лишь в запретных архивах. Здесь, под куполом Атлантиды, свет проходил сквозь тончайшую, невидимую пелену энергетического поля, преломляясь в мириадах кристаллов, вросших в саму структуру города. Он ложился на улицы мягким, жемчужным сиянием, которое не отбрасывало резких теней, а лишь мягко обрисовывало контуры идеального мира. Воздух пах чем-то чистым, свежим, как после грозы, — и чем-то ещё. Это был запах абсолютной чистоты, лишённой даже намёка на соль океана внизу, на гниение органики или пыль веков. Это был запах вечности, законсервированной в янтаре.

Кайден стоял на балконе своей башни, опершись локтями на парапет из материала, похожего на полированный обсидиан, но тёплого и едва заметно вибрирующего под пальцами, словно живой. Он находился на высоте нескольких сотен метров, и город раскинулся под ним подобно гигантской, многоуровневой диадеме, небрежно брошенной на бескрайнее зеркало океана. Это зеркало было неподвижным, ни единой морщинки ряби не нарушало его идеальной глади, словно сама вода боялась потревожить покой великого города.

Хрустальные шпили пронзали небо, уходя так высоко, что их вершины терялись в перламутровой дымке купола. Они не были статичными монолитами. Эти башни были живыми. Между ними, на головокружительной высоте, изгибались подвесные мосты из живого металла — серебристой субстанции, которая текла и меняла форму с медлительным достоинством исполинской змеи, повинувшись беззвучным командам Центрального Ядра. Мосты перетекали из одной конфигурации в другую, создавая новые пути там, где секунду назад была лишь пустота.

Внизу, под башней Кайдена, раскинулся многоярусный город. Нижние уровни утопали в садах, где росли деревья с листьями цвета сапфира и изумруда — результат тысячелетней генетической калибровки. Эти растения никогда не сбрасывали листву, их ветви никогда не ломались под ветром, которого здесь не было, а плоды созревали в строго определённое время с точностью до минуты. В воздухе между зданиями бесшумно скользили транспортные платформы — гладкие диски из прозрачного материала, перевозившие по своим делам жителей в белоснежных одеждах. Ни крика птиц — их здесь не было и быть не могло, — ни шелеста листвы под порывами ветра. Единственным звуком был тихий, низкий, почти неслышимый гул энергетических потоков, питавших сердце города. Гул порядка.

Ему было двадцать циклов. По меркам Атлантов — юность. Его кожа была гладкой и золотистой от идеально дозированного спектра света, мышцы — сильными и эластичными благодаря генетической калибровке, проведённой ещё на стадии зародыша. Он никогда не знал боли настоящей болезни или животного страха смерти. Его жизнь была расписана по минутам: обучение, калибровка, отдых, церемония Совершенства. И всё же сегодня он чувствовал странную тяжесть в груди. Тяжесть, которой не было места в мире Гармонии.

— Кайден? — голос сестры, Лиры, прозвучал из динамика у двери. Он был мелодичным и ровным, лишённым раздражающих ноток нетерпения или гнева. Искусственный интеллект дома знал его привычки и всегда находил его здесь. — Ты опоздаешь на церемонию Совершенства.

Он не обернулся. Ему не нужно было видеть её лицо через экран, чтобы знать: её бровь сейчас слегка приподнята в выражении мягкого укора.

— Я не хочу идти.

Лира вошла на балкон. Дверь бесшумно скользнула в стену. В отличие от него, она была воплощением идеала не только внутри, но и снаружи. Её движения были отточены годами практики до балетной грации, взгляд — ясен и спокоен, как поверхность горного озера в безветренный день. Она носила белую тунику с тонкой серебряной каймой — знак принадлежности к Совету Младших Кураторов — с гордостью и достоинством, которые Кайден не мог ни понять, ни разделить.

— Ты говоришь глупости. Отказ от церемонии — это отказ от своего места в Гармонии.

— Гармония... — Кайден провёл рукой по гладкому парапету. Материал был тёплым и пульсировал под ладонью едва заметной вибрацией, словно вторя биению сердца города. Или это билось его собственное сердце? — Иногда мне кажется, что мы не живём, а лишь сохраняемся. Как идеально засушенные цветы между страницами книги. Красивые, но мёртвые.

Лира нахмурилась — едва заметно, но для Кайдена это было равносильно вспышке ярости у другого человека. На её идеальном лбу пролегла тонкая складка — максимум эмоций, который она могла себе позволить на публике.

— Ты наслушался сказок Старейшины Элара. Его речи о «дикой душе» подрывают устои Гармонии. Совет обеспокоен его влиянием на молодёжь.

Кайден наконец оторвал взгляд от бездны под ногами и посмотрел на сестру. В её глазах цвета штормового моря он видел лишь отражение города — упорядоченное, блестящее и пугающе пустое.

— Он говорит о том, что мы потеряли. О случайности. О красоте ошибки.

— Ошибка — это хаос! А хаос ведёт к разрушению и энтропии! Смотри!

Лира взмахнула рукой с грацией дирижёра, и в воздухе между ними развернулась голографическая проекция внешнего мира. Карта была усеяна пульсирующими алыми точками — очагами войн, эпидемий и голода.

— Там люди убивают друг друга за еду и воду! Там дети рождаются с уродствами и умирают от лихорадки! Мы — единственный свет во тьме! Наш порядок — это их спасение! Наше совершенство — это щит для их несовершенства!

Голограмма внешнего мира погасла так же внезапно, как и появилась, оставив после себя лишь лёгкое послевкусие цифровой пыли.

— А что будет... когда мы «спасём» их всех? — тихо спросил Кайден в наступившей тишине. Его голос прозвучал глухо и неуверенно даже для него самого. Он смотрел прямо в глаза сестре-близнецу и видел там лишь непроницаемую стену веры. — Когда мы сделаем весь мир таким... идеальным? Что тогда? Что будет смыслом нашего существования?

Лира не ответила словами. Она лишь коснулась его плеча кончиками пальцев — жест был быстрым, точным и функциональным, словно проверка системы жизнеобеспечения перед выходом в открытый космос.

— Идём. Или я буду вынуждена доложить о твоём деструктивном настроении Совету Кураторов.

Кайден вздохнул и отстранился от парапета, разрывая контакт с живым камнем башни. Он последовал за сестрой обратно в прохладу коридоров из полированного камня с прожилками светящегося кварца.

Он шёл по коридорам мимо висячих садов с растениями из других климатических зон (тоже откалиброванных), мимо фонтанов с идеально чистой водой, которая падала вниз по математически выверенным траекториям.

Когда они вышли из Башни Семи Ветров на центральную площадь Акрополя, ведущую к Храму Равновесия, Кайден остановился на мгновение перед огромным порталом входа.

Тысячи Атлантов уже стекались к Храму со всех уровней города: паря на лифтах-каплях, спускаясь по винтовым лестницам из света или просто возникая из транспортных платформ посреди площади.

Кайден поднял голову к небу Атлантиды.

Высоко над городом, венчая самый высокий шпиль Храма Равновесия, пульсировал свет. Тусклый, едва заметный даже днём сквозь перламутровую дымку купола, он напоминал сердце спящего гиганта или далёкую звезду в плену гравитации чёрной дыры.

Квантовый Якорь.

Говорили, что это сердце Атлантиды. Источник её вечной жизни и стабильности.

Но сегодня Кайдену казалось иначе.

Ему казалось, что это не сердце города.

Ему казалось, что это его клетка.

И её пульс был слишком ровным.

Слишком... идеальным.

Глава 2. Совет Равновесия

Воздух в Зале Совета был плотным, как вода на глубине. Он не просто заполнял пространство — он давил, обволакивал, глушил звуки и скрадывал резкие движения, заставляя всех присутствующих двигаться с плавной, почти торжественной медлительностью. Это была не случайность, а инженерное решение. Архитекторы Атлантиды намеренно создали эту среду, чтобы биение сердца не заглушало голос разума, чтобы дрожь в пальцах не выдала страх, а порыв гнева разбился о вязкую стену тишины. Эмоциям здесь не было места. Но сегодня логика давала сбой.

Кайден и Лира стояли в глубокой тени высоких колонн у бокового входа, скрытые от глаз семерых Старейшин полумраком и акустическим полем. Им, как молодым представителям своих каст, было позволено присутствовать на собрании в качестве «живых летописей» — молчаливых свидетелей решений, которые определяют судьбу мира. Кайден видел лишь спины семи фигур в безупречных белых одеждах, стоявших полукругом вокруг центрального поста-мента из цельного кристалла горного хрусталя.

Над постаментом висела голограмма Земли. Континенты были очерчены тонкими, пульсирующими линиями геомагнитных полей. Но внимание приковывал не сам шар, медленно вращающийся в пустоте, а пульсирующая алая сфера, окружавшая Атлантиду, словно гигантский мыльный пузырь. Это была проекция «Квантового Якоря», его поле влияния. Сейчас оно было невелико — всего лишь щит над городом. Но на схемах Старейшин оно должно было расшириться, накрыв собой весь мир.

— Проект «Фаэтон» готов к запуску, — голос Верховного Старейшины Солариса был ровным и холодным, как полированный металл тронного кресла. В нём не было ни торжества, ни сомнения — лишь констатация факта. — Мы десятилетиями очищали наш геном от атавизмов, стабилизировали психосферу города, искореняя хаос эмоций. Хаос внешнего мира больше не должен иметь над нами власти. Мы станем островом вечности в океане энтропии.

— Вечность требует цены, — раздался скрипучий, но всё ещё твёрдый голос из дальнего, самого тёмного угла зала. Кайден узнал его мгновенно. Это был Старейшина Элар. Диссидент. Еретик. Хранитель опасных мыслей. — Вы говорите о спасении, но предлагаете клетку. Реальность — это река. Она течёт, меняется, размывает берега. Вы же хотите превратить её в ледник.

Соларис медленно повернулся к говорившему. Его лицо, гладкое и безмятежное благодаря векам генетической коррекции, не выражало ничего. Он был воплощением спокойствия.

— Ледник не гниёт, Элар. Ледник не воюет. Ледник не знает болезней и смерти. Ледник — это высшая форма порядка.

— Ледник — это смерть! — Элар шагнул вперёд из тени, и его высокая, сутулая фигура отбросила длинную тень прямо на голограмму Земли, словно пытаясь заслонить мир от взгляда Солариса. — Посмотрите на них! Там, за барьером, они живут коротко, но страстно! Они любят с риском потерять всё! Они ненавидят с яростью вулкана! Они создают искусство из боли и музыку из тоски! А что создаем мы? Идеально ровные сады, где цветы никогда не вянут? Песни без единой фальшивой ноты, выверенные до последнего герца? Мы стерилизуем не только болезни, мы стерилизуем саму душу!

В зале повисла такая тишина, что Кайдену казалось, будто он слышит гул собственного пульса, приглушённый плотной атмосферой. Он видел, как побелели костяшки пальцев Леры, с силой сжимавшей край своей безупречно белой туники.

— Страсть ведёт к безумию, Элар, — спокойно возразил Соларис, словно учитель, объясняющий очевидную истину неразумному ребёнку. — Безумие привело к гибели тысячи цивилизаций до нас. Мы — последние хранители разума. Последние хранители порядка. «Якорь» не убьёт мир. Он его спасёт. Он зафиксирует реальность в точке абсолютного совершенства. В точке пика гармонии.

— Совершенство статично! — голос Элара сорвался на хриплый крик, но вязкий воздух тут же поглотил его силу, превратив в едва слышный шёпот. Однако его слова были острее любого клинка. — А жизнь — это изменение! Это цикл! Вы хотите нажать на паузу. Остановить жизнь! Но что произойдёт? Что произойдёт с «Кровью Феникса», если мы остановим само время? Не станет ли она ядом? Не превратится ли наш щит в клетку для самой Вселенной?

Старейшина Вэйлин, отвечавший за технологии и науку, сухо кашлянул и активировал панель управления на постаменте. Голограмма Земли сменилась сложной трёхмерной схемой Квантового Якоря. В центре схемы пульсировало ядро — «Кровь Феникса», сгусток чистой энергии, заключённый в кристаллическую матрицу.

— Расчёты показывают почти стопроцентную вероятность успеха, — отчеканил Вэйлин механическим голосом. Его глаза были прикованы к цифрам на экране. — Вероятность сбоя стремится к математической погрешности.

Элар горько усмехнулся.

— Математическая погрешность... Именно так вы теперь называете судьбу? Вы боитесь смерти настолько, что готовы убить саму жизнь? Вы ищете бессмертия и находите лишь стазис?

Соларис поднял руку ладонью вперёд — древний жест прекращения спора. Воздух в зале словно стал ещё плотнее.

— Решение принято. Голосование Совета — формальность. Завтра на рассвете мы активируем «Якорь». Атлантида станет маяком для всего человечества.

Он обвел взглядом зал, задержавшись на мгновение на каждой из шести белых фигур своих соратников. Его голос стал глубже, приобретая почти гипнотическую силу:

— Или его могилой, если мы позволим сомнениям взять верх.

Взгляд Солариса скользнул по колоннам и на мгновение задержался на том самом тёмном углу, где прятались Кайден и Лира. Он не мог их видеть в такой темноте, это было невозможно... но Кайдену показалось, что Старейшина смотрит прямо ему в душу. Взгляд был тяжёлым, оценивающим и холодным как лёд.

Лира дёрнула брата за рукав так резко, что он вздрогнул.

— Идём! Немедленно!

Они покинули Зал Совета в молчании, стараясь ступать бесшумно по гладкому полу из живого камня. Когда огромные двери из полированного металла сомкнулись за их спинами, отсекая плотный воздух зала от общего коридора, грохот падающего мира показался оглушительным.

Глава 3. Кровь Феникса

Путь к Ядру лежал глубоко под Храмом Равновесия, в слоях, куда не проникал даже жемчужный свет купола. Лифт, отделанный живым металлом, который тек и менял узоры под их ногами, скользил вниз беззвучно, но Кайдену казалось, что он слышит низкий, утробный гул, доносящийся из недр земли. Это был не звук механизмов, не привычный гул энергетических потоков города. Это был пульс самой планеты, искажённый, замедленный и болезненный из-за присутствия чего-то чужеродного, чего-то, что не должно было существовать в этом мире. Это был шёпот раненого времени.

Лифт остановился с едва заметным толчком, который Кайден скорее почувствовал ступнями, чем ощутил телом. Двери разошлись в стороны, открывая вид на коридор, не похожий ни на что в надземной Атлантиде. Стены здесь были не из полированного камня или живого металла. Они были из прозрачного, идеально чистого кристалла, похожего на застывший лёд или чёрный алмаз. За этими стенами не было других помещений. Там клубилась первородная тьма, густая и вязкая, как смола, пронизанная редкими, хаотичными вспышками лилового и мертвенно-синего света. Казалось, они смотрят не сквозь стены, а в саму ткань вселенной, истончённую до предела.

Воздух здесь был другим. Он был тяжёлым, наэлектризованным до предела. Каждый вдох отдавался на языке лёгким покалыванием, похожим на вкус озона после грозы, но с металлическим, горьким привкусом. Он пах мощью и опасностью.

В конце коридора находилась камера Ядра. Помещение было идеально круглым и совершенно пустым. Здесь не было колонн, фресок или других украшений атлантов. Единственным объектом был постамент в самом центре комнаты — идеальный круг из тёмного материала, поглощающего свет. На нём, удерживаемая невидимыми силовыми полями, которые лишь слегка искажали воздух вокруг объекта дрожащим маревом, висел он.

Квантовый Якорь.

В технической документации Вэйлина он описывался сложнейшими формулами квантовой механики и схемами энергетических потоков. Но реальность была иной. Это было не устройство. Это было сердце.

Объект размером с человеческую голову пульсировал мягким, внутренним светом. Его поверхность не была гладкой; она переливалась и текла, как капля живой ртути или нефти на воде, внутри которой застыл живой огонь. Цвета сменяли друг друга с гипнотической медлительностью: от глубокого индиго космической бездны до ослепительно-белого света сверхновой; от багрянца пролитой крови до золота самого чистого рассвета. Он не просто светился — он дышал. Его пульсация не совпадала с ритмом города наверху. Она была медленнее, глубже, словно это билось сердце спящего титана.

— Впечатляет, не так ли? — голос Вэйлина раздался из динамика, вмонтированного в стену так искусно, что его источник был невидим. Старейшина наблюдал за ними через скрытые камеры и датчики. Его голос звучал отстранённо-горделиво. — Это и есть «Кровь Феникса». Квазиорганический кристалл.

Кайден подошёл ближе к постаменту. Он сделал шаг, затем ещё один, пока не оказался всего в метре от пульсирующего артефакта. Он чувствовал притяжение — не физическое, а какое-то иное. Словно Якорь звал его на ментальном уровне, шёпотом на грани сознания.

— Он... живой? — спросил Кайден почти шёпотом, боясь нарушить торжественную тишину этого места.

— В том смысле, который вкладываете вы, юный Кайден — нет, — ответил Вэйлин с ноткой снисхождения. — У него нет сознания в человеческом понимании этого слова. Но он обладает волей к существованию. Его единственная функция — стабилизировать квантовые флуктуации реальности в заданном радиусе. Он — якорь в бушующем море хаоса.

Ли́ра стояла рядом с братом, но её взгляд был прикован не к Якорю. Её внимание захватили голографические экраны и потоки данных, парящие рядом с постаментом на высоте человеческого роста. На них бежали бесконечные строки формул и графиков стабильности.

— Расчёты показывают идеальную стабильность? — спросила она голосом профессионала — ровным, холодным и лишённым эмоций.

— Вероятность отклонения составляет менее одной миллиардной доли процента, — отчеканил Вэйлин тоном человека, не допускающего сомнений.

Кайден же не слушал их диалог о цифрах и вероятностях. Он протянул руку ладонью вперёд, почти коснувшись невидимого барьера силового поля. В этот момент пульсация света внутри кристалла изменилась. Она стала неровной, сбивчивой. На долю секунды ему показалось — или это была игра света? — что он видит внутри не просто энергию. Он увидел образы: лица людей он не знал; города из стекла и света, которые рушились под волнами огня; а затем — те же самые города, восстающие из пепла и руин; бесконечный цикл смерти и возрождения.

Это было похоже на память.

На генетическую память мира.

— Феникс сгорает, чтобы возродиться... — прошептал Кайден слова древней легенды внешнего мира — легенды о хаосе и цикле. Слова казались здесь кощунством и высшей истиной одновременно. — Но если остановить огонь... если зафиксировать момент между смертью и возрождением... что останется?

Ответом ему была тишина и ровное гудение силовых полей.

Вэйлин отключил связь.

Кайден опустил руку и посмотрел на сестру.

— Ты веришь ему? Вероятность одна миллиардная... Это значит лишь то, что они не учли одну переменную.

Ли́ра оторвала взгляд от экранов и посмотрела на брата. Впервые за долгое время в её идеальных глазах мелькнула тень сомнения.

— А ты веришь Элару? Что «Якорь» станет ядом?

Кайден посмотрел на пульсирующее сердце их мира.

— Я верю... что он станет клеткой.

Они стояли в тишине Ядра ещё несколько минут, слушая дыхание Квантового Якоря — звук конца всего живого или начала вечного порядка.

Глава 4. Проклятие Золотого Прикосновения

Переход был резким, как удар хлыста. Только что Кайден стоял в стерильной, звенящей тишине Ядра, вдыхая стерильный, пахнущий озоном воздух, и вот его сознание затопили звуки и запахи внешнего мира. Это был не просто шум, это была какофония жизни — дикой, необузданной и несовершенной. Запахи были не из приятных: влажная, плодородная земля, смешанная с кислым запахом древесной трухи и гнили, терпкий аромат диких трав и резкий, животный запах пота и страха. Звуки — пронзительные крики невидимых птиц, монотонное жужжание насекомых, и где-то вдалеке — надрывный, полный безысходной тоски детский плач.

Голографическая проекция, которую активировал Вэйлин, была не просто картинкой. Это было полное, всеобъемлющее погружение. Кайден чувствовал запахи, слышал звуки так, будто стоял там на самом деле.

Они стояли на краю поляны. Или того, что когда-то было поляной. Теперь это был кошмарный натюрморт, застывший во времени. Деревья, чьи листья застыли в вечном золотистом сиянии, не отбрасывали тени; их кроны были похожи на застывшие водопады из драгоценного металла. Трава под ногами не приминалась, а ломалась с сухим, стеклянным хрустом, отли-

вая холодным блеском благородного металла. Даже бабочка, севшая на ветку, превратилась в изящное, но абсолютно мертвое украшение из тончайшего сусального золота.

В центре этого золотого склепа сидел человек. Царь Мидас. Его роскошные одежды, расшитые драгоценностями и пурпуром великого города Лидии, казались жалкими, выцветшими тряпками на фоне величественного и ужасающего умирания его царства. Он держал в руках золотой плод — яблоко, которое никогда не сгниет, никогда не даст семени. Он смотрел на свои ладони так, словно видел их впервые, с ужасом осознавая произошедшую с ним чудовищную метаморфозу.

— Эксперимент «Эдем», — раздался голос Вэйлина из динамика, лишенный всяких эмоций, сухой и безжизненный, как этот золотой лес. — Локальное применение стабилизирующего поля низкой интенсивности. Цель: создание зоны вечного плодородия для демонстрации преимуществ Гармонии.

Кайден смотрел на царя Мидаса. Тот медленно, с видимым усилием поднес яблоко ко рту. Его губы дрогнули в попытке укусить. Раздался глухой, безжизненный стук — зубы скользнули по металлической поверхности плода, не оставив на ней ни царапины.

— Он... страдает? — тихо спросил Кайден, и его собственный голос показался ему чужим в этом мертвом лесу.

— Стрдание — это неэффективное использование энергии и ресурсов организма, — ответил Вэйлин тоном лектора, объясняющего базовый принцип термодинамики. — Он находится в состоянии фрустрации и глубокого психологического шока. Биологические процессы остановлены на клеточном уровне. Смерть не наступила, но жизнь прекратилась. Идеальная консервация.

Лира смотрела на сцену с холодным профессиональным интересом ученого-биолога, наблюдающего за интересным экземпляром под микроскопом.

— Расчеты были верны? Почему эффект вышел из-под контроля? Почему произошла полная трансмутация органики?

— Мы не учли фактор энтропии на макроуровне и сопротивление живой материи принудительной остановке цикла распада и обновления, — признал Вэйлин с ноткой досады в голосе. — Попытка остановить распад в одной точке вызвала каскадный эффект неконтролируемой кристаллизации в радиусе действия поля. Живое стало неживым металлом.

Кайден перевел взгляд на царя Мидаса. Тот медленно поднял голову и посмотрел прямо на них — на невидимых наблюдателей из другого мира и времени. В его глазах не было гнева или мольбы. Там была лишь бесконечная, застывшая пустота человека, который понял, что его величайшее желание стало его проклятием.

В этот момент царь Мидас уронил золотое яблоко. Оно ударилось о золотой лист у его ног и издало чистый, хрустальный звон — единственный звук в этом мире вечной тишины. Звук разнесся по мертвому лесу волной и затих, не породив эха.

— Это... это то, что мы принесем всему миру? — голос Кайдена дрогнул, сорвавшись на хриплый шепот. Он сделал шаг назад от царя, словно боясь заразиться этим проклятием через голограмму. — Вечную тишину? Золотую тюрьму? Мир без боли... но и без жизни?

Вэйлин отключил проекцию мгновенно, словно щелкнув невидимым тумблером. Мир внешнего царства схлопнулся в черную точку и исчез, оставив после себя лишь легкое послевкусие металла во рту и звенящую пустоту в ушах.

— Это была ошибка калибровки поля низкой интенсивности при контакте с нестабильной биологической средой варваров, — твердо сказал Старейшина Вэйлин, возвращая их в стерильную реальность Ядра. Его голос снова стал уверенным и непоколебимым. — Малая ошибка в малом масштабе. При активации Якоря над всей Атлантидой мы учли все переменные и биологические константы нашего вида. Ошибки не будет.

Но Кайден смотрел на свои руки, и ему казалось, что он все еще чувствует холод того золотого яблока.

Ему казалось, что он сам начинает превращаться в золото.

Глава 5. Песня Сирен

Это началось с шепота. Он был настолько тихим, что Кайден сначала принял его за игру разума, за эхо собственных мыслей, отраженное от идеальных, безжизненных стен его комнаты. Он списал это на усталость. Последние дни он плохо спал, преследуемый образом золотого, застывшего сада из симуляции Вэйлина. Но шепот не исчезал. Он не был голосом. Это был шорох песка в опустевшей колбе часов, тихий треск рвущегося шелка, звук дыхания ветра в месте, где ветра быть не могло. Он шел отовсюду и ниоткуда одновременно. Он не складывался в слова, а был лишь набором диссоциирующих звуков на грани слышимости, которые царапали сознание.

Затем пришли видения.

Кайден стоял на мосту, соединяющем Башню Знаний с Садовым Кольцом. Мост был сплетен из живого металла, который тек и менял форму с медлительным достоинством исполинского существа. Внизу, в идеально ровных рядах генетически модифицированных деревьев, что-то изменилось. Листья на одном из дубов — том самом, чьи гены были откалиброваны на вечнозелёный цикл, — начали дрожать. Они дрожали так, словно их трепал ураганный ветер, но воздух вокруг был неподвижен.

А потом Кайден увидел это.

Сквозь кору проступило лицо. Женское лицо, сотканное из древесных волокон и пульсирующего лилового света, который они видели в Ядре. Оно было прекрасным и древним одновременно. Оно открыло глаза — два провала абсолютной тьмы — и посмотрело прямо на него. Губы из коры изогнулись в улыбке, и Кайден услышал беззвучный смех, который отозвался вибрацией в его костях, прежде чем видение растворилось обратно в древесине, оставив дуб таким же идеальным и мертвым, как прежде.

Он моргнул. Лицо исчезло. Дуб снова был просто дубом.

— Ты выглядишь больным, — голос Лиры был холоден и остр, как хирургический скальпель. Она подошла бесшумно, её шаги были идеально выверены. — Твои жизненные показатели нестабильны. Совет может счесть это дефектом психосферы и инициировать процедуру калибровки.

— Я слышу их, Лира, — прошептал Кайден, не отрывая взгляда от деревьев внизу. Теперь он видел их иначе: не как статичные декорации, а как замершие в ожидании чего-то сущности. — Они поют.

— Кто поёт?

— Сирены.

Он рассказал ей всё: о шепоте, о лице в дереве, о чувстве надвигающегося разрыва реальности. Лира выслушала его с каменным лицом статуи. Её идеальные черты не дрогнули ни на миллиметр. Когда он закончил, она активировала свой наручный коммуникатор.

— Старейшина Вэйлин? Мой брат демонстрирует признаки психической декомпенсации и деструктивного бреда. Прошу разрешения на его немедленную калибровку.

Кайден среагировал инстинктивно. Он схватил её за тонкое запястье и сжал с силой отчаяния, отключая связь.

— Нет! Это не болезнь! Это город... Он кричит! Якорь... он не стабилизирует реальность! Он её ломает! Реальность здесь слишком тонкая, Лира! Она рвётся по швам!

Лира посмотрела на него с жалостью. И это было хуже любого гнева или презрения. Жалость была признанием того, что он сломан и не подлежит ремонту.

— Ты бредишь. «Якорь» — венец нашей науки. Он принесёт порядок и спасёт нас от хаоса внешнего мира.

Внезапно воздух вокруг них загустел до состояния киселя. Звуки города — тихий гул транспортных платформ вдалеке, шелест генетически отредактированных листьев — исказились до неузнаваемости. Они замедлились до тягучего баса, а затем понеслись в бешеном темпе, превратившись в невыносимую какофонию визга и скрежета металла о стекло. Кайдену показалось, что само время дало сбой в процессоре мироздания.

А потом он услышал песню.

Она не была звуком в привычном понимании. Она не проходила через уши. Она звучала прямо в его голове, вплавляясь в нейронные связи. Мелодия была невыносимо прекрасной и одновременно мучительной до физической боли. В ней смешались звуки рождения и смерти: крики рожениц и смех детей; грохот прибоя о скалы и тихий шелест падающих звёзд; первая весенняя гроза и последний вздох умирающего старика. Это была песня самой жизни во всей её полноте — цикл созидания и разрушения, сжатый в одну бесконечную, вибрирующую ноту.

Кайден упал на колени на живой металл моста, зажимая уши руками так сильно, что костяшки пальцев побелели. Но это не помогало. Песня была внутри него.

Лира стояла рядом с ним на подгибающихся ногах. Её лицо было мертвенно-бледным, но она не кричала. Она просто смотрела в пустоту перед собой широко раскрытыми глазами, полными ужаса и понимания. По её идеальной щеке медленно катилась одинокая слеза — единственная несовершенная вещь в этом стерильном мире.

Видение длилось лишь мгновение или целую вечность — время здесь не имело значения. А затем всё стихло так же внезапно, как и началось.

Город снова стал прежним: тихим, идеально упорядоченным и мёртвым.

Но Кайден знал: то, что он слышал, было не галлюцинацией и не болезнью.

Это была *Песня Сирен*.

Хотя их пения в этом мире не слышали уже очень много лет.

Это был крик самой реальности, которую Атланты пытались убить своим совершенством.

Это был плач времени, которое они пытались остановить.

И песня становилась всё громче.

Глава 6. День Тишины

Атлантида замерла.

Это было ожидаемым. Это не был закон, спущенный Советом. Это не было инстинктом. Город, который никогда не спал, который вечно гудел тихим, упорядоченным движением — от гула энергетических потоков до шелеста листвы в висячих садах, — сегодня остановился. Полностью. Абсолютно. Все ждали этого.

Транспортные платформы застыли в воздухе на разной высоте, словно экзотические насекомые, пойманные в невидимую ловушку из янтаря времени. В парках, где вечно цвели генетически откалиброванные цветы, не было ни единой фигуры в белом. Садовники исчезли. Даже ветер, казалось, боялся нарушить эту неподвижность, этот священный покой перед лицом вечности.

Кайден стоял на том же балконе Башни Семи Ветров, что и в первый день. Город под ним был прекрасен и страшен в своей безжизненности. Он был похож на гигантскую, невероятно сложную игрушку, которую ребёнок-великан оставил на полке. Идеальная, отполированная до блеска, но абсолютно мёртвая. Манекен в витрине магазина вечности.

Внизу, на центральной площади Акрополя перед исполинскими воротами Храма Равновесия, начали собираться жители. Они выходили из своих башен и домов молча, без привычных приветствий или обмена взглядами. Не было ни суеты, ни разговоров. Тысячи Атлантов в белых одеждах текли по улицам бесшумной рекой и останавливались, образуя идеально ров-

ные ряды. Они стояли плечом к плечу, глядя на Храм. Их лица были спокойны до оторопи, глаза пусты и устремлены в одну точку. Они были готовы.

Кайдэн искал в толпе Лиру и нашёл её — она стояла в первых рядах, прямая и неподвижная, как стрела из чистого света. Она не повернула головы, чтобы посмотреть на его башню. Она даже не подняла взгляда. Она уже была там, внизу. С ними. С Советом. С будущим, которое они так отчаянно пытались построить.

В небе над городом началось движение.

С северного и южного полюсов гигантского купола, защищавшего Атлантиду от хаоса внешнего мира, к центру потянулись тонкие, едва заметные даже для острого глаза нити света. Они были похожи на призрачную паутину или полярное сияние, пойманное в силовое поле. Эти нити сплетались в воздухе на огромной высоте, образуя сложную геометрическую паутину из чистого света. Это была активация внешних контуров «Якоря». Город готовился стать не просто городом. Он готовился стать ковчегом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.